

ОТЗЫВ

официального оппонента кандидата исторических наук
Юрия Николаевича Кузьмина
на диссертацию МАРИИ НИКОЛАЕВНЫ РАСТЕГАЕВОЙ
«Римская *amicitia* на берегах Северного Понта: политика и пропаганда
в I в. до н.э. – IV в. н.э.»,
представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук
по специальности 5.6.2 – Всеобщая история

Тема диссертации М.Н. Растегаевой актуальна начиная с того, что – как бы это громко не звучало – северные берега Черного моря связывают нас с античной цивилизацией, а изучение этого региона в контексте истории и культуры греков и римлян, а также их взаимодействия с местными варварскими народами с XIX столетия во многом является прерогативой отечественной классической археологии и антиковедения.

В плане научной новизны заявленная проблематика важна тем, что в работе представлена новая перспектива в рассмотрении связей Рима с государствами Северного Причерноморья через призму отношений и политики «дружбы» (*amicitia*).

Диссертация М.Н. Растегаевой выполнена в русле современных тенденций изучения римской внешней политики на основе аутентичных понятий (*amicitia*, *fides* и др.), присутствующих в литературных и эпиграфических источниках, которые разрабатываются взамен прежних более абстрактных конструкций (например, концепции «внешней клиентелы» Э. Бэдиана) (ср. *Gieseke J. Beyond Client States. The Conceptual Diversity of Roman Foreign Relations During the Principate // Historia. 75/1. 2026. P. 40–79*).

Структура диссертации соответствует достижению цели и решению поставленных задач. Работа включает введение, три главы, заключение, список источников и литературы, список сокращений, а также приложения, из которых особо следует отметить первое (сводки на основе эпиграфики: 1) титулов боспорских правителей, отражающих их отношения с Римом; 2) посвящений римским императорам в Северном Причерноморье; 3) список персон из этого региона, носивших почетный эпитет *σεβαστόγυνος*); во второе приложение включены карты, фотографии монет и некоторые другие иллюстративные материалы.

Хронологические рамки диссертации охватывают пять столетий со второй четверти I в. до н.э. до IV в. н.э. включительно.

В силу состояния источников из трех наиболее важных античных государств Северного Причерноморья – Боспорского царства, Херсонеса и Ольвии – большая часть работы посвящена изучению взаимоотношений и «дружбы» Рима с боспорскими правителями.

Обзор литературных и эпиграфических источников во введении является исчерпывающим и аналитическим, в то время как нумизматические и археологические материалы охарактеризованы более кратко (с другой стороны, автор неоднократно привлекает и анализирует их в основном тексте работы).

Следует отметить, что вызывает возражения деление литературных источников на две группы – «сочинения античных историков и географов» (с. 9). К первой, помимо трудов Тацита, Аппиана, Диона Кассия, Евтропия и других историков, отнесены, например, «Перипл Понта Эвксинского» Арриана или «Борисфенитская речь» Диона Христороста. Несомненно, что информацию исторического характера несут не только сочинения собственно античных историков, но и произведения, относящиеся к другим жанрам – «География» Страбона, «Моралии» Плутарха и т.д. Однако указанные труды Арриана, Диона Христороста или «Письма» Плиния Младшего вряд ли корректно включать в категорию «сочинения историков».

Историография обстоятельно рассмотрена автором по двум направлениям. Во-первых, это изучение *amicitia*, как инструмента внешней политики Рима и определение характера его отношений с другими государствами (в том числе тех, которые можно считать зависимыми) с акцентом на взглядах и концепциях Т. Моммзена, Э. Бэдиана, Д. Браунда, П. Бертонна и ряда других исследователей, а также проекте «*Amici populi Romani*», начавшемся четверть века назад в Трирском университете под руководством Х. Хайнена (в настоящее время проектом руководит его ученик А. Чошкун, который с 2008 г. работает в университете г. Уотерлу в Канаде). Вторая часть историографического обзора посвящена рассмотрению собственно различных аспектов изучения отношений Рима с государствами Северного Причерноморья в трудах антиковедов с XIX столетия по настоящее время.

К обширному списку исследований, использованных М.Н. Растегаевой, можно добавить еще ряд работ:

– *Aspects of Friendship in the Graeco-Roman World* / Ed. by M. Peachin. Portsmouth, 2001.

– *Avram A. Der Vertrag zwischen Rom und Kallatis. Ein Beitrag zum römischen Völkerrecht.* Amsterdam, 1999.

– *Avram A. Prosopographia Ponti Euxini externa.* Leuven; Paris; Walpole, Mass., 2013.

– *Coşkun A. The Course of Pharnakes II's Pontic and Bosporan Campaigns in 48/47 B.C.* // *Phoenix.* 73/1–2. 2019. P. 88–113.

– *Coşkun A. Stern G. Queen Dynamis and Prince Aspurgos in Rome? Revisiting the South Frieze of the Ara Pacis Augustae* // *Ethnic Constructs, Royal Dynasties and Historical Geography around the Black Sea Littoral* / Ed. by A. Coşkun et al. Stuttgart, 2021. P. 199–230.

– *Marshall A.J.* Friends of Roman People // *American Journal of Philology*. 89/1. 1968. P. 39–55.

– *Roddaz J.-M.* Marcus Agrippa. Rome, 1984.

В первой главе разбирается понятие «дружбы» (*amicitia*) и ее роли в частной и политической жизни римлян, а также их внешней политике. Проводится сравнение *amicitia* с греческой *φιλία* и определяется значение «дружбы» в межгосударственных отношениях Рима с греческими полисами и эллинистическими царствами. Следует согласиться с тем, что постепенно *amicitia* / *φιλία* стала для «друзей» римлян декларацией своей лояльности. Отдельно проанализирована римская дипломатия и политика *amicitia* в отношениях империи с варварской периферией (Дакия, Кавказская Иберия, Армения и т.д.). Завершает главу рассмотрение появления в период Ранней Империи, наряду с традиционным статусом «друг римлян» (*φίλοςῶμαιος*), нового почетного эпитета – «друг цезаря (императора) (*φίλοκαίσαρ*)».

Вторая глава посвящена *amicitia* как инструменту римской внешней политики в государствах Северного Причерноморья с акцентом на Боспоре и в меньшей степени Ольвии. Рассмотрение отношений *amicitia* между Римом и боспорскими правителями начинается с Махара, одного из сыновей Митридата VI, его наместника на Боспоре, поднявшего в 70 г. до н.э. мятеж против отца и получившего от римлян статус «друга». Последним известным правителем Боспора, именовавшимся «другом императора и римлян» был позднеантичный царь Тиберий Юлий Дуптун. Рассмотрев варианты, предложенные разными антиковедами (конец IV – начало VI в. н.э.), М.Н. Растегаева приняла датировку правления Дуптуна концом IV столетия (с. 231–233).

Если «дружба» римлян с Махаром засвидетельствована только в литературных источниках (*Liv. Per.* XCVIII; *App. Mithr.* 83; *Plut. Luc.* 24.1), то для правителей Боспора начиная с его брата Фарнака II эпитет «друг римлян» зафиксирован в эпиграфических документах (см. Прил. 1.1).

Важное место отведено рассмотрению отношений Рима и Боспора после гибели Фарнака (с Асандром и Динамией, Скрибонием, Полемоном I) и до того, как в I в. н.э. в Пантикапее утвердилось династия потомков царя Аспурга, происхождение и родственные связи которого остаются предметом дискуссий (см. далее). До сер. I в. н.э. римская политика в отношении Боспора сочетала дипломатию, «дружбу» и силовое давление, когда под угрозой были интересы империи.

Последняя военная интервенция римлян в боспорские дела во второй пол. 40-х гг. I в. н.э. завершилась разгромом и пленением сына Аспурга Митридата III (VIII) и возведением на трон его брата Котиса I. М.Н. Растегаева совершенно справедливо не поддержала сторонников гипотетического более позднего римско-боспорского конфликта, между Траяном и Савроматом I, который конструируют на основе упоминания

Евтропием, что среди царей «*in fidem accepit*» римским императором, были и правители Боспора (Eutrop. VIII.3.1). Данное сообщение, скорее следует понимать в смысле, что эти цари (Иберии, Колхиды, Боспора и др.) были приняты под покровительство, а не капитулировали (с. 207–209).

В третьей главе М.Н. Растегаева рассмотрела свидетельства из Северного Причерноморья – Ольвии, Херсонесса и Боспора – о людях с почетным эпитетом «известный августу (императору)» (σεβαστόγυνωστος). Она справедливо считает, что подобный статус не должен пониматься, как свидетельство именно личного знакомства с римским императором.

В заключении суммируются главные выводы. Следует согласиться с тем, что *amicitia* не была лишь инструментом установления римлянами гегемонии над другими государствами и выражением зависимости с их стороны. Политика «дружбы» могла олицетворять интересы двух сторон. Это актуально и для государств Северного Причерноморья, в первую очередь Боспорского царства. Тем не менее боспорские цари утверждались в Риме, носили имена Тибериев-Юлиев, эпитеты «друг римлян» и «друг императора», были жрецами императорского культа. Изображения римских императоров помещались на эмиссии царей Боспора, но на них присутствовали и их собственные портреты, а также символика, актуальная для их поданных. Так или иначе, до начала III в. н.э. Боспорское государство оставалось важной региональной силой в Северном Причерноморье, не будучи лишь проводником римских интересов.

В финале отзыва следует привести несколько замечаний и комментариев – первый из них будет достаточно обширным – которые, однако, не влияют на высокую оценку диссертации М.Н. Растегаевой.

I. Ряд важных проблем, затронутых в работе, связаны с Аспургом: его происхождением, временем прихода к власти и принятия царского титула, а также отношений с Римом и получения официального эпитета «друг римлян». Сразу следует оговорить то, что не все противоречия можно разрешить на основе имеющихся источников.

М.Н. Растегаева принимает точку зрения, что «царь Асандрох», сыном или потомком которого Аспург именуется в надписях, не идентичен «царю Асандру» (с. 141–145). Лично я с осторожностью склонен поддержать иное мнение, что Асандр и Асандрох – это варианты имени (греческий и иранский) одного правителя Боспора. Но это как раз та проблема, которая пока не может быть решена.

В 2018 г. было опубликовано найденное в Анапе (Горгиппии) посвящение от имени «царя Аспурга, друга римлян, <потомка> великого царя Асандроха» Гермесу и Гераклу, датированное именем полисного магистрата (*гимнасиарха*) и годом боспорской (= вифино-понтийской) царской эры. Место с датой на камне частично повреждено; издатели

прочитали ее как 303 г. ($\epsilon\nu\ \tau\omega\iota\ \Gamma\Gamma'\ \xi[\tau\epsilon\iota] = 6/7$ г. н.э.) (*Завойкина Н.В., Новичихин А.М., Константинов В.А.* Новая посвятельная надпись Аспурга из Горгиипии // ВДИ. 78/3. 2018. С. 680–692; ср. АЕ 2018 1412; ВЕ 2019 340; ЕР 2018 34; SEG LXVIII 493).

М.Н. Растегаева, будучи среди тех антиковедов, которые считают, что Аспург не носил царского титула ранее 14/15 г. н.э., согласилась с М.М. Чорефом в том, что посвящение Аспурга датировано не 303, а 315 г. ($\epsilon\nu\ \tau\omega\iota\ \text{EIT}'\ \xi[\tau\epsilon\iota]$), т.е. 18/19 г. н.э. (*Чореф М.М.* К вопросу о датировке посвятельной надписи Аспурга, найденной в 2013 г. в Горгиипии // МАИАСП. 16. 2024. С. 811–835) (с. 143).

При этом вне внимания автора диссертации осталась еще одна ревизия датировки данной надписи – С.Ю. Сапрыкиным, который предложил чтение даты как 316 г. ($\epsilon\nu\ \tau\omega\iota\ \text{C}[\zeta]\text{IT}'\ \xi[\tau\epsilon\iota]$), т.е. 19/20 г. н.э. При этом он привел в пример золотой статер Аспурга, на котором помещена подобная дата (*Сапрыкин С.Ю.* Аспург и азиатский Боспор // XX Боспорские чтения. Симферополь; Керчь, 2019. С. 492–493).

Следует отметить, что С.Ю. Сапрыкин и М.М. Чореф основывали свои предположения на опубликованных фотографиях. С другой стороны, летом 2017 г. я вместе с издателями посвящения Аспурга принимал участие в его осмотре в археологическом музее в Анапе и сделал серию фотографий.

Число 300 (Т) читается без проблем. То, что С.Ю. Сапрыкин и М.М. Чореф приняли за 10 (I), очевидно, является повреждением, уходящим и на строку выше. Чтение буквы (цифры) перед Т действительно вызывает затруднения. Издатели увидели число 3 (Г). То, что можно принять на нижнюю гасту в случае если это E, C или Z, возможно, является сколом, который уходит и под йоту в артикле ($\tau\omega\iota$) перед ней. К этому сколу (или все же гасте?) подходит еще один – наклонный (или наклонная гаста). Таким образом, первой цифрой в датировочной формуле могут быть Г, E (ср. SEG LXVIII 493), C и Z. Соответственно, возможны следующие даты посвящения Аспурга: ГТ (303 = 6/7 г. н.э.), ET (305 = 8/9 г. н.э.), СТ (306 = 9/10 г. н.э.), ZT (307 = 10/11 г. н.э.).

Вероятно, что Аспург носил царский титул и имел статус «друга римлян» ранее 14/15 г. н.э. Его поездка в Рим, упоминаемая в первом письме царя горгиипийцам (SEG XLVI 940 I) в 16 г. н.э. (BIT = 312 г. б.э.), могла быть связана с необходимостью *подтверждения* царского статуса новым императором Тиберием после смерти в августе 14 г. н.э. Августа (ср. *Heinen H.* Zwei Briefe des bosporanischen Königs Aspurgos (AE 1994, 1538). *Übersehene Berichtigungsvorschläge Günther Klaffenbachs und weitere Beobachtungen* // ZPE. 124. 1999. S. 133–142; русс. пер.: *Хайнен Х.* Два письма боспорского царя Аспурга... // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Казань, 2000. С. 278–291).

Тем не менее наличие царского статуса у Аспурга до 14/15 г. н.э. создает трудности в интерпретации датированных по боспорской эре монет с приписываемыми этому правителю монограммами. Остается надеяться на находки новых эпиграфических документов времени Аспурга, которые, может быть, помогут разрешить данные противоречия.

II. При цитировании автором источников и терминов на классических языках есть примеры несогласованности падежей. Например, на с. 230: «Единственное упоминание о римско-боспорских контактах (*при царе Тейране, правившем в 70-х гг. III в. – Ю.К.*) содержится в КБН 36, где царь именуется другом цезаря и другом римлян, а полный его титул представлен классической формулировкой βασιλέω[ς], φίλοκαισαρος καί φι[λο]ρωμαίου, εὐσεβοῦ». Титулатура приведена в род. п., как в надписи, хотя корректно было дать ее в именительном и заключить в кавычки («... его титул представлен классической формулировкой “βασιλεύς, φίλοκαισαρ καὶ ...”»).

III. Сын Аспурга Митридат, неудачно воевавший против Рима во второй пол. 40-х гг. I в. н.э., фигурирует в диссертации преимущественно, как Митридат VIII, хотя однажды он назван Митридатом III (с. 193). Для обозначения данного монарха антиковедами используются оба варианта. В боспорской перспективе его можно считать Митридатом III (после Митридата [I] – он же Митридат VI Евпатор, и Митридата Пергамского [II]) или Митридатом VIII, если вести счет от понтийских царей предшественников Митридата Евпатора. Так или иначе, в рамках одной работы требуется унификация. Учитывая то, что М.Н. Растегаева склоняется к мнению, что Аспург не был потомком Митридата VI Евпатора (с. 183), то его сына предпочтительнее называть Митридатом III.

Однако на то, что Аспург являлся потомком Митридата Евпатора (скорее всего по материнской линии) указывает наречение им одного из сыновей Митридатом, использование понтийской царской эры, а также приписываемое Митридату, сыну Аспурга, происхождение от «великого Ахемена» (Гас. *Ann.* XII.18). Лучшей кандидатурой на роль матери Аспурга, несмотря на скептицизм многих антиковедов и проблемы с интерпретацией источников, остается Динамия, дочь Фарнака II и внучка Митридата VI.

При этом, имеются основания считать, что Динамия была еще жива после смерти Августа и его скорого обожествления сенатом (август – сентябрь 14 г. н.э.). На это может указывать посвящение от имени «царицы Динамии, друга римлян» императору Августу, как «богу» (КБН 38); в двух других ее посвящениях Августу и его супруге Ливии (КБН 978, 1046), он не именуется «богом». Также есть золотой статер с монограммой ΔΥΜ, датированный 310 г. б.э. (IT = 13/14 г. н.э.) (*Парфенов В.Н.* Боспорские заложники в Риме: взаимодействие или конфликт двух культур? I. Динамия // Боспорский феномен. СПб., 2025. С. 234–236; ср. *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев, 1986. С. 93–94).

IV. В тексте диссертации можно найти неточности. Например, Октавиан именуется Октавием в то время (44–27 гг. до н.э.), когда после усыновления согласно завещанию Цезаря он официально был Гаем Юлием Цезарем Октавианом (с. 86, 234). Гаем Октавием он юридически перестал быть в 44 г. до н.э. (См. *Ad fam.* XII.23.2; 25.4).

V. Стиль диссертации в целом хороший. Опечатки и стилистические погрешности присутствуют, но их число незначительно. То же самое относится к оформлению ссылок, а также списка источников и литературы.

Диссертация М.Н. Растегаевой прошла апробацию. Некоторые ее части были опубликованы в виде статей (три из них в изданиях из перечня ВАК) и представлены в докладах на конференциях. Также следует отметить регулярное участие автора в раскопках на Таманском полуострове (археологический опыт представляется важным для антиковеда).

Содержание диссертации корректно отражено в автореферате.

Диссертация Марии Николаевны Растегаевой «Римская *amicitia* на берегах Северного Понта: политика и пропаганда в I в. до н.э. – IV в. н.э.» соответствует требованиям п. 9–11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 (в действующей редакции) и ее автор достоин присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2 – Всеобщая история.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОППОНЕНТ
кандидат исторических наук
(специальность 5.6.2. [ранее: 07.00.03] – Всеобщая история)
доцент кафедры истории и
социально-политических дисциплин
Самарского филиала ГАОУ ВО города Москвы
«Московский городской педагогический университет»

11 марта 2026 г.

ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ КУЗЬМИН

Рабочий адрес: 443081, г. Самара, ул. Стара Загора, 76

Тел.: +7(846)989-14-36

E-mail: samara@mgpu.ru

Подпись Кузьмина Ю.Н. и, доцента
заверяю (по кадрам)